

Вопросы философии и психологии

Книга 90

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 90 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 270 с.

ISBN 978-5-458-04738-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04738-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Кризисъ современнаго правосознанія. (Продолженіе.) П. Новгородцева	433
Физикъ-идеалистъ. (Памяти Н. И. Шишкина.) (Продолженіе.) Л. Лопатина	492
<hr/>	
Императоръ Павелъ I. (Окончаніе.) В. Чижа	585
О тревожно-мнительномъ характерѣ. С. Суханова	679
Воспріятіе рельефа. Н. Боровко	690
<hr/>	
Критика и библиографія.	
I. Обзоръ книгъ.	
William James. The Varieties of religious experience. A study in human nature. London. New York and Bombay. 1906. 12-е изд. XII + 534. А. Лазарева	709
Б. Шмидъ. Философская хрестоматія. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Пер. съ нѣм. Ю. А. Говсъева подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Одесса 1907. П. Блонскаго	716
М. Ettlinger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie. В. Зѣньковскій.	721
А. Ярошъ. Происхожденіе души и элементы познанія. Опыты параллелистическаго міросозерпанія. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. Г. Гордона	723
II. Библиографическій листокъ.	
Извѣстія и замѣтки.	
А. К. Шиманскій (Некрологъ). Н. Холоднаго	728
Московское Психологическое Общество. (Отчеты о за-сѣданіяхъ)	731
Матеріалы для журнальной статистики	735
Объявленія.	

Кризисъ современнаго правосознанія ¹⁾.

VI.

Изученіе французской революціонной доктрины убѣдило насъ въ томъ, что уже здѣсь теорія народнаго суверенитета получила такое выраженіе, которое равносильно было отрицанію ея существа. Самая глубокая мысль ученія Руссо—идея о необходимости общаго признанія для утвержденія справедливыхъ законовъ—не была усвоена тѣмъ политическимъ направленіемъ, которое оказалось руководящимъ и для своего времени, и для послѣдующаго. вмѣсто этого возобладала и получила широкое распространеніе другая идея,—что подлинная народная воля выражается ея представителями, лучшими и болѣе способными выразителями своего народа. Идея представительства по существу своему приводила къ признанію самостоятельности представительныхъ собраній, и на этомъ пути былъ возможенъ полный разрывъ съ началами народнаго суверенитета. Это и совершилось дѣйствительно въ позднѣйшей нѣмецкой теоріи, которая замѣнила идею народнаго суверенитета понятіемъ суверенитета государственнаго. Объединяя власть и народъ въ понятіи государства и покрывая этимъ болѣе общимъ понятіемъ всѣ входящіе въ него элементы, нѣмецкая теорія не имѣла болѣе нужды говорить о народномъ суверенитетѣ. Идея суверенитета или верховенства, согласно этому воззрѣнію, неизбѣжно предполагаетъ государствен-

¹⁾ См. „Вопросы Фил. и Псих.“, кн. 89.

ную организацію, а государственная организація требуетъ установленія полномочныхъ органовъ, выражающихъ волю цѣлаго. Эти органы представляютъ организованный въ государство народъ и являются юридическими выразителями его воли. Таковъ смыслъ господствующей нѣмецкой теоріи представительства. Однако, болѣе близкіе къ Руссо политическіе писатели не рѣшились отбросить его идею народной воли. Напротивъ, они провозгласили ее за основаніе того новаго политическаго возрѣнія, которое лишь по внѣшности напоминало доктрину „Общественнаго договора“. За народомъ было признано значеніе высшей моральной санкціи, дѣйствительный же авторитетъ былъ перенесенъ на его представителей.

Въ сущности, въ этой новой формѣ, въ которой теорія народнаго суверенитета получила распространеніе, сохранилось только отвлеченное признаніе старой идеи. Самое главное вѣрованіе Руссо,—что народная воля не нуждается для своего выраженія ни въ посредникахъ, ни въ представителяхъ, что подобно свѣту дня, она всегда и непосредственно даетъ о себѣ знать,—это вѣрованіе у позднѣйшихъ послѣдователей Руссо не встрѣчается. Въ этомъ и заключалось ихъ рѣзкое и коренное различіе отъ Руссо. Въ „Общественномъ договорѣ“ была высказана оригинальная и замѣчательная мысль о возможности утвердить политику на основѣ безошибочнаго и непогрѣшимаго, такъ сказать, автоматическаго дѣйствія общей воли. Послѣдователи Руссо идею *автоматическаго образованія общей воли* замѣнили идеей *психическаго труда исканій и борьбы за содержаніе общей воли*. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, самъ собою выдвинулся на первый планъ вопросъ *объ органахъ*, при посредствѣ которыхъ выражается воля народа,—вопросъ несущественный съ точки зрѣнія Руссо, который вѣрилъ въ возможность непосредственнаго самообнаруженія народныхъ желаній.

Но для того, чтобы сохранить принципиальную связь съ идеей народнаго суверенитета, послѣдователи Руссо должны были сдѣлать одно допущеніе, въ извѣстной степени оправ-

дывавшее ихъ отступленіе отъ теоріи „Общественнаго договора“. Они должны были допустить, что устами своихъ представителей говорить самъ народъ, что органы, уполномоченные къ выраженію народной воли, являются истинными глашатаями народной правды, что черезъ нихъ обнаруживается та самая постоянная и неизблемая общая воля, о которой говорилъ Руссо въ „Contrat social“. Сами представители, вошедшіе въ составъ Національнаго собранія, были всецѣло проникнуты этимъ взглядомъ. Они считали себя призванными найти и установить безспорныя истины, вытекающія изъ воли народа. Принимая декларацію правъ, они были убѣждены, что провозглашаютъ принципы простые и неоспоримые, которые всегда будутъ служить залогомъ „сохраненія конституціи и счастья всѣхъ“. Они стремятся оградить выработанную ими конституцію отъ случайныхъ искаженій послѣдующаго времени и съ этой цѣлью включаютъ въ нее постановленія, затрудняющія возможность ея пересмотра. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что мечтательная вѣра въ неизблемую правду общей воли, дающей прочныя основы политической жизни, была всецѣло перенесена на представительныя собранія. Въ этомъ отношеніи политическій оптимизмъ эпохи получилъ извѣстное подкрѣпленіе и со стороны Монтескье, утверждавшаго, что народъ удивительно избираетъ своихъ представителей. Долго затѣмъ жили эти идеи, которыя нашли едва ли не самое простое и ясное выраженіе во введеніи къ переизданію *Moniteur*'а ¹⁾: „нельзя конечно—говорится здѣсь—искоренить совершенно личный интересъ, потому что онъ данъ намъ самой природой и по несчастью возвращенъ всѣми нашими учрежденіями; но въ народномъ собраніи онъ никогда не бываетъ очень опаснымъ, потому что согласуется здѣсь вслѣдствіе цѣлаго ряда соображеній съ интересомъ общимъ: а если онъ ему противорѣчить, то это является

¹⁾ Réimpression de l'ancien *Moniteur*, introduction historique.. Avant-propos de l'édition publiée en l'an IV, p. XXVIII (въ концѣ тома.).

столь наглядно и постыдно несправедливымъ, что личный интересъ стыдится обнаружить себя на глазахъ у всего народа. Нѣтъ человѣка, который могъ бы желать чего-либо иного кромѣ своего счастья, и это справедливо о совокупности лицъ, неменѣе чѣмъ объ отдѣльныхъ лицахъ. Если этой совокупностью является народъ и если представительство его образуется изъ депутатовъ, взятыхъ безразлично изъ всѣхъ классовъ, то единственный союзъ, который будутъ представлять депутаты, это—народъ, и результатъ суждений такого собранія необходимо составить общее счастье“. Это было то самое убѣжденіе, о которомъ Джонъ Стюартъ Милль рассказываетъ въ „Автобіографіи“, какъ о своей юношеской вѣрѣ, которую онъ раздѣлялъ со своимъ отцомъ. „Въ политикѣ, говоритъ Милль, мы питали почти безграничное довѣріе къ двумъ вещамъ: къ представительному правленію и къ полной свободѣ суждений. Вѣра моего отца въ силу воздѣйствія разумныхъ основаній на человѣческую мысль—при наличности полной свободы такого воздѣйствія—была весьма велика: онъ думалъ, что все будетъ спасено, если народъ научится читать, если всѣ возможные мнѣнія будутъ высказываться предъ нимъ словесно и письменно, и если онъ будетъ проводить воспріятыя имъ мнѣнія посредствомъ выборовъ въ законодательное собраніе 1)“.

Въ этихъ словахъ хорошо выражень тотъ руководящій мотивъ, который со времени Національнаго Собранія былъ положень въ основу теоріи представительнаго государства. Въ иной формѣ и съ иными предпосылками здѣсь повторяется та же идея Руссо о легкомъ нахожденіи общей воли, о ея справедливости и согласіи съ интересомъ всѣхъ и съ общимъ счастьемъ. Въ этомъ отношеніи паеость „Общественнаго договора“ пережилъ его теоретическія основанія и сохранился у его послѣдователей послѣ того

1) John Stuart Mill, Autobiography. Third edition London. 1874. P. 106. Эта и предшествующая цитата вмѣстѣ съ другими однохарактерными выдержками приведены въ интересномъ сопоставленіи у d'Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement. Paris, 1895. Pp. 159—163.

какъ они совершенно видоизмѣнили его доктрину. Мысль о томъ, что общая воля раскрывается въ рѣшеніяхъ представительныхъ собраній, составляетъ опору этой видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но являясь связующимъ звеномъ между этой теоріей и основными предположеніями доктрины „Общественнаго договора“, указанная мысль вызываетъ, однако, цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній. Пока остается въ силѣ предположеніе, что народъ выражаетъ свою волю въ рѣшеніяхъ, исходящихъ отъ него непосредственно и съ ясностью несомнѣнно присущихъ ему убѣжденій, утвержденіе, что общая воля, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ народную правду, понятно и естественно. Но какъ только это предположеніе замѣняется другимъ, что за народъ говорятъ его представители, тотчасъ же возникаетъ вопросъ, возможно ли для представителей выражать волю народа съ такою же точностью, съ какой онъ самъ могъ бы выразить ее. Процессъ избранія, порядокъ голосованія, принятіе рѣшеній обезпечиваютъ ли для представительныхъ собраній неизмѣнную вѣрность ихъ народной волѣ? И какъ судить объ этой вѣрности, если сама народная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этотъ рядъ сомнѣній теорія представительнаго государства не только не можетъ отвѣтить, но при дальнѣйшемъ анализѣ только подтверждаетъ ихъ силу. Если бы кто захотѣлъ исходить изъ той мысли, что представительство вѣрно и совершенно отражаетъ волю народа, ему пришлось бы въ концѣ концовъ сказать, что эта задача ни для какого представительства въ мірѣ неосуществима и по существу невозможна. Съ этой точки зрѣнія представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критикѣ и отвергнуть ея правомѣрность. Но такой результатъ заставилъ бы насъ только усомниться въ правильности исходнаго начала. Представительное правленіе является неизбѣжнымъ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія, и отвергать его было бы столь же не-

мыслимо, какъ отрицать судъ, администрацію и другіе элементы правового порядка. Въ системѣ учреждений правового государства оно является *не одной изъ формъ* его строения, а *общимъ и необходимымъ элементомъ* его организаціи. Надо, слѣдовательно, предположить, что источникъ своей нравственной силы представительное государство почерпаетъ не въ предположеніи точнаго воспроизведенія народныхъ желаній, а въ какой-либо иной идеѣ; и мнѣ кажется, такой идеей является понятіе организаціи общественнаго мнѣнія при помощи созданія особыхъ органовъ для его выраженія. Задача правового государства заключается въ томъ, чтобы создать солидарность власти съ народомъ, но такъ какъ народная воля не является единой, определенной и ясной и состоитъ изъ совокупности разнородныхъ и часто противорѣчивыхъ желаній, то для того, чтобы руководствоваться ею, надо ее организовать, съ цѣлью свести къ единству. Понятно, что эта организованная воля не можетъ отражать съ точностью всѣхъ желаній, которыя слышатся въ народѣ: въ лучшемъ случаѣ она даетъ только равнодѣйствующую этихъ желаній. И потому отношеніе къ ней народа во всей совокупности его элементовъ не есть отношеніе всеобщаго согласія и удовлетворенія, а только отношеніе признанія и примиренія, нерѣдко болѣе пассивнаго, чѣмъ дѣятельнаго. Съ болѣе высокой точки зрѣнія, такой порядокъ отношеній слишкомъ далекъ отъ идеала всеобщей гармоніи душъ, которая должна отличать совершенное общеніе, и съ этой точки зрѣнія представительное государство есть лишь этапъ на пути дальнѣйшаго развитія. Оно и можетъ быть понято и принято, какъ этапъ и ступень, какъ путь къ высшему и болѣе совершенному порядку отношеній.

Таковъ взглядъ, вытекающій изъ данныхъ современной практики и науки. По сравненію съ прежней теоріей представительства, которая видѣла въ немъ вѣнецъ развитія и конечный политическій идеаль, этотъ современный взглядъ можетъ показаться результатомъ разочарованія. Несомнѣн-

но, эта современная точка зрѣнія не питаетъ прежнихъ иллюзій; но тѣмъ болѣе прочную почву создаетъ она для правового государства, ибо эта почва не мечтательная, а реальная. Не въ ореолѣ безусловнаго совершенства, а съ печатью временнаго явленія, подлежащаго дальнѣйшему развитію, предстаётъ здѣсь правовое государство. И тѣмъ вѣрнѣе охраняется оно отъ ударовъ, которые могутъ быть сдѣланы противъ него съ безусловной точки зрѣнія. Для *современнаго* міра это—необходимый и неизбѣжный путь, и этимъ сказано все. Принципъ безусловнаго совершенства, правильно примѣненный, требуетъ только признанія, что это путь, а не конечная цѣль.

Высказанныя здѣсь положенія представляютъ рѣшительное отступленіе отъ ходячей теоріи народнаго суверенитета, какъ мы ее изложили. Намъ предстоитъ теперь доказать, что это отступленіе оправдывается фактами жизни и требованіями науки. Намъ предстоитъ выяснить, что и вторая форма теоріи народнаго суверенитета не выдерживаетъ критики и что на самомъ дѣлѣ представители народа не столько выражаютъ его волю, сколько направляютъ и организуютъ ее.

VII.

Представители народа являются точными выразителями воли народной, черезъ нихъ проявляющейся и господствующей въ государствѣ—таково исходное положеніе видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но обдумывая это положеніе, мы снова чувствуемъ, какъ при свѣтѣ болѣе зрѣлаго политическаго опыта и углубленнаго размышленія съ разныхъ сторонъ опять возникаютъ сомнѣнія и затрудненія, крайне осложняющія основной тезисъ. По прежнему, какъ и во времена Руссо, оптимистическіе сторонники теоріи народнаго суверенитета склонны думать, что общественное мнѣніе есть ясная и легко уловимая величина. Но болѣе, чѣмъ когда-либо, опытъ новѣйшаго времени говорить, что общественное мнѣніе есть задача или загадка,

которую еще труднѣе выразить, чѣмъ разгадать. Въ 1858 г., въ первомъ изданіи своего трактата „О свободѣ“ Милль писалъ: въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, какъ и въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, успѣхъ раскрываетъ такія ошибки и недостатки, которые при неудачѣ остались бы скрытыми отъ наблюденія... Когда демократическая республика распространилась на значительной части земного шара, выборная и отвѣтственная форма правленія сдѣлалась предметомъ наблюденій и критики, которыя отправляются отъ существующаго факта. И тогда-то пришли къ сознанію, что такія фразы какъ „самоуправленіе“ или „власть народа надъ самимъ собою“ не выражаютъ дѣйствительнаго положенія вещей. „Народъ“, который пользуется властью, не всегда тотъ же самый народъ, на который власть простирается; и такъ называемое „самоуправленіе“ не есть управленіе каждаго самимъ собою, а каждаго—всѣми остальными. Къ тому же народная воля на практикѣ представляетъ собою волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной *части*, волю большинства или тѣхъ, кому удастся заставить признать себя за большинство“ ¹⁾).

Эти замѣчательныя слова мыслителя, вышедшаго изъ школы Бентама, столь горячо отстаивавшей идею народовластія, указываютъ самую слабую сторону теоріи народнаго суверенитета. Народная воля на практикѣ можетъ являться даже не волей большинства, а волей тѣхъ, „кому удастся заставить принимать себя за большинство“. Но то, что еще Милль констатировалъ, какъ практику демократическихъ республикъ, не есть простая случайность: это естественное послѣдствіе чрезвычайно сложнаго сочетанія условій, которыя лишь отчасти поддаются исправленію, въ большинствѣ же случаевъ представляютъ непреодолимые препятствія для достиженія идеальнаго результата.

Говоря объ отраженіи въ законахъ чистой народной по-

¹⁾ John Stuart Mill, On liberty. The second edition, London, 1859, pp 11—12.